

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 5 мѣсяцевъ	8 франк.
» 3 мѣсяца	5 »
» 2 мѣсяца	3 »
» 1 мѣсяць	2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1-ое ДЕКАБРЯ 1882

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Учащаяся молодежь и политическая агитация, М. Драгоманова. — 2) Сибирскія письма. Крестьянскія переселенія и надежды. I. — 3) Политика и экономія въ уѣздѣ югозападнаго края (корреспонденція «Вольнаго Слова»), II. — 4) Отъ редакціи. — 5) Сущность антисемитическаго движенія, III-та. — 6) Национализація земли. (Продолженіе). — 7) Литературно-политическіе отрывки: II. Вѣдненькіе самодержцы. III. Эпическій характеръ крестьянскихъ мечтаний. IV. Козацкія традиціи на Украинѣ. V. Страхи украинскаго сепаратизма, М. Драгоманова. — 8) Извѣстія и замѣтки: Литературныя вѣсти: Запрещеніе біографіи Шевченка. Малорусско-нѣмецкій словарь. — Австрійская культура въ Босніи. — Кахановская реформа. — Неутратившіе бюджета стихи 60-хъ годовъ. — 9) Вынужденное объясненіе. — 10) Объявленія.

ЖЕНЕВА, 1 декабря 1882.

Телеграммы о закрытіи казанскаго университета и объ арестѣ цѣлой сотни студентовъ петербургскаго университета заставляютъ насъ вновь обратить вниманіе читателей на предметъ, котораго мы касались недавно, а именно на вопросъ объ участіи молодежи въ политической агитации.

«Студенческія волненія» или «беспорядки» здѣлались въ Россіи явленіемъ хроническимъ, которое тянется почти безъ перерыва съ самаго 1857 г. (съ такъ называемой «лужинской исторіи» въ Харьковѣ). Въ этихъ волненіяхъ можно различить два элемента, хотя и тѣсно связанные одинъ съ другимъ: частный, академическій, и общій, политическій. Извѣстныя явленія студенческихъ «беспорядковъ» обуславливаются тѣмъ, что самодержавно-монархическое правительство русское, вообще противное всякому общественному и коллегіальному началу, особенно терпитъ этого начала въ высшихъ школахъ, которыя между тѣмъ по существу своему требуютъ извѣстной степени свободы и коллегіальнаго самоуправленія, — и не дастъ должной доли автономіи даже преподавателямъ высшихъ школъ, а тѣмъ болѣе учащейся въ нихъ молодежи. Отсюда является у послѣдней неудовлетворенность, которая представляетъ естественное поле для всякой противуправительственной агитации, не говоря уже о томъ, что ненормальныя условія положенія студентовъ вызываютъ цѣлый рядъ

столкновеній, которыя, по существующимъ въ Россіи правительственнымъ взглядамъ, представляются явленіями политическаго характера. Такъ какъ долгій опытъ послѣдняго царствованія показалъ, что т. назыв. въ Европѣ академической свободы (автономіи преподавателей, свободы преподаванія, права студентовъ на устройство корпорацій съ свободою науки и слова и въ нихъ) нельзя ожидать отъ самодержавно-бюрократическаго правительства, то отцамъ нашей учащейся молодежи ничего не остается, какъ или трепетать за участь своихъ дѣтей во все время пребыванія ихъ въ высшихъ школахъ, — или самимъ рѣшительно выступить противъ этого правительства. Такъ какъ русскіе «отцы» не обнаруживаютъ энергіи къ такому выступленію, то потому сила вещей, — своего рода духъ, правящій жизнью, народовъ — мститъ имъ въ дѣтяхъ ихъ.

То же самое надо сказать и по поводу уже прямо политическаго элемента въ студенческихъ волненіяхъ. Что учащаяся молодежь вся враждебна существующему въ Россіи политическому и общественному порядку вещей, это болѣе чѣмъ естественно, такъ какъ этотъ порядокъ противенъ всѣмъ тѣмъ идеямъ, которыя молодежь выноситъ изъ современной науки, хотя бы послѣдняя преподавалась самымъ искаженнымъ, въ угоду правительству, образомъ. Что молодежь, которая, принадлежа къ наиболѣе образованной части населенія, въ то же время есть и болѣе горячая часть этой послѣдней, энергичнѣе стремится проявить свою вражду къ существующему порядку вещей, — это тоже въ порядкѣ вещей. Мы вовсе не исповѣдуемъ культа молодежи, который, — по естественной, впрочемъ, реакціи оффиціознымъ и оффиціальнымъ Иродамъ, — довольно распространенъ въ извѣстной части русской печати. Наблюденіе надъ общественной жизнью и школой въ Россіи убѣдили насъ, что наши «дѣти» качественно вовсе не выше «отцовъ» и заключаютъ въ себѣ среднимъ числомъ тѣ же пороки и тѣ же добродѣтели, что и от-

цы, при чемъ высшее во многихъ случаяхъ образованіе «дѣтей» очень часто служитъ имъ только для оправданія разными софизмами многихъ пороковъ, ставшихъ, такъ сказать, конституционными пороками русскаго общества. Но тѣмъ не менѣе, на основаніи изложенныхъ выше соображеній, мы считаемъ безспорнымъ то положеніе, что по отношенію къ существующему политическо-общественному строю въ Россіи, учащаяся молодежь ея представляетъ передоваго, самаго горячаго выразителя того разлада, какой существуетъ между всѣмъ образованнымъ обществомъ и правительствомъ Россіи. И съ этой стороны къ русскійской молодежи болѣе, чѣмъ къ другой, съ полнымъ правомъ прилагаются слова знаменитаго ученаго и педагога, Н. И. Ппрогова, сказанныя въ его прощальной рѣчи къ киевскимъ студентамъ въ 1861 году: «кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различить и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству.»

Вполнѣ естественно, что наша молодежь рвется къ ниспроверженію гнетущаго Россію политико-общественнаго строя, преимущественно пополняя собою всякаго рода противуправительственные заговоры и пользуясь всякимъ, часто и неважнымъ, по существу своему, случаемъ къ протесту, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ академической жизни, превращая сами эти случаи въ явленія политическаго характера. Вполнѣ естественно, но въ то же время все-таки крайне печально, что учащаяся молодежь наша активно проявляетъ свою вражду къ правительству слишкомъ преждевременно, во время своего ученія и преимущественно въ болѣе ранніе его годы. Такимъ образомъ молодежь эта слишкомъ рано растрчиваетъ свои силы и гибнетъ въ слишкомъ неравной борьбѣ почти безъ всякихъ результатовъ для общества.

Но социализмъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи приближающійся къ этой устарѣлой формѣ, не годится для современнаго общества. «Идеаль» социализма (говоритъ Г. Дж. на стр. 288—289) благоденствіе и величіе, какъ я въ томъ убѣжденъ, вполне осуществимы на практикѣ, но социалистическаго общества нельзя сфабриковать — оно должно вырасти. Общество не машина, а организмъ. Оно можетъ жить лишь индивидуальной жизнью своихъ частей. Только свободное развитіе всѣхъ частей можетъ гарантировать гармонию цѣлаго. Все необходимое для социальнаго возрожденія заключается въ девизѣ русскихъ патріотовъ, иногда называемыхъ нигилистами, — «Земля и Воля!»

Свободная торговля землей (free trade in land) и созданіе сословія мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, крестьянъ (мѣры, предложенныя противъ системы лэндлордства въ Англіи) не могутъ уничтожить или уменьшить ренту и потому останутся безъ вліянія на заработную плату; они только увеличатъ число обезпеченныхъ людей, но не улучшатъ положенія рабочаго класса. Идея частной собственности справедлива лишь по отношенію къ предметамъ, созданнымъ трудомъ человека, но не по отношенію къ землѣ, завладѣніе которой ведетъ къ рабству рабочихъ. Зависимость труда отъ земли и деспотическая власть, приобретаемая землевладельцемъ надъ другими людьми, нуждающимися въ его землѣ, объясняютъ намъ факты, иначе необъяснимые: существованіе учреждений, обычаетъ, діаметрально противоположныхъ природному инстинкту равенства и свободы.

Есть только одно средство искоренить бѣдность и всѣ связанные съ нею социальные недуги, это уничтоженіе частной поземельной собственности. Пока человекъ можетъ считать исключительной своей принадлежностью землю, необходимую для пропитанія другихъ, до тѣхъ поръ будетъ существовать бѣдность и рабство, которые будутъ только усиливаться подъ вліяніемъ матеріальнаго прогресса.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ.

II. Бѣдненіе самодержцы! Въ русской дѣйствительности, какъ и въ исторіи, нельзя шагнуть, чтобы не вспомнить словъ Мордвинова о томъ, что царь называется «самодержцемъ оттого, что его самого держатъ». Между прочимъ эти слова постоянно приходятъ на мысль, при чтеніи въ высшей степени интересныхъ «Записокъ сенатора Я. А. Соловьева о крестьянскомъ дѣлѣ» (при Александрѣ II), печатаемыхъ черезъ часть по чайной ложкѣ въ «Русской Старинѣ». Тамъ на каждой страницѣ видишь, какъ не только вообще слуги самодержца-освободителя, но именно тѣ лица, которымъ онъ поручалъ устройство освобожденія ставили дѣлу тормазы. Министръ Муравьевъ и госуд. секретарь Бутковъ даже позволяли себѣ прямо говорить, что ничего изъ затѣй самодержца и не будетъ. По этому поводу Соловьевъ рассказываетъ истинно забавныя сцены, какъ плакалась на этихъ господъ-слугъ бѣдненькая жена самодержца: «Вѣроятно, говоритъ онъ,

одно изъ этихъ лицъ имѣла въ виду императрица, когда при представленіи ей Н. А. Милютину, не задолго до назначенія его товарища министра, сказала: *Même pendant que l'empereur faisait des discours à la noblesse, pour l'engager à travailler, il y avait en province un personnage officiel qui tripotait contre nous*. Въ другой разъ, нѣсколько прежде, на вечерѣ у княгини Елены Павловны императрица подошла къ графу Бобринскому и Н. А. Милютину и, узнавъ, что они говорятъ о крестьянскомъ дѣлѣ, отозвалась неодобрительно о дѣйствіяхъ членовъ главнаго комитета, при чемъ прибавила: «*De tous ces messieurs il n'y avait que le comte Kissilef qui avait étudié cette question et qui la désirait sincèrement*». (Русская Старина, 1882, Октябрь, 140).

III. Эпическій характеръ крестьянскихъ мечтаній. Если вышеприведенныя анекдоты поучительны для народниковъ-монархистовъ (которыхъ вовсе не такъ мало въ Россіи, какъ многіе думаютъ), то слѣдующая выписка изъ «Кіевской Старины» должна быть поучительна для народниковъ-революционеровъ. Въ названномъ журналѣ печатаются тоже крайне интересные воспоминанія: «Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія». Между прочимъ тамъ рассказано, какъ послѣ усмиренія польскаго возстанія 1830—31 г., вопреки надеждамъ крестьянъ, гнетъ надъ ними помѣщиковъ (поляковъ) не только не ослабѣлъ, но еще усилился вслѣдствіе «упорядоченія» администраціи и полиціи, которая давала политическій духъ въ панахъ, но служила ихъ экономическимъ интересамъ. «Въ представленіи моего отца, рассказываетъ авторъ воспоминаній въ К. Старинѣ, императоръ Николай былъ рыцаремъ, какихъ свѣтъ не видѣлъ; онъ отъ всей простой души своей вѣрилъ многочисленнымъ сказкамъ, разносимымъ солдатами, о его необычайныхъ подвигахъ, въ родѣ, напр., разгрома всѣхъ сенаторовъ и министровъ, заманившихъ его въ сенатъ, чтобы тутъ секретно покончить съ нимъ, — внезапнаго появленія въ снѣдѣ, отъ котораго всѣ архіереи попрыгали подъ столъ и т. п., онъ не допускалъ, чтобы такой рыцарь.... могъ не знать, что тутъ творится панами, становыми и т. п., и только утѣшалъ себя мыслью о томъ, что, вѣроятно, онъ собирается съ кѣмъ либо воевать и что, покончивши войну, онъ приметъ снова за пановъ».

Такъ думалъ сельскій священникъ, раздѣляя вѣру и мечты своихъ прихожанъ-крестьянъ, мечты, какъ видимъ, почти буквально сходныя съ теперешними. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что представленія украинскіхъ крестьянъ о царѣ двойны: то царь сдѣлаетъ добро народу, то онъ безсиленъ сдѣлать что либо, — преодолѣть силу «саноты». Вотъ почему у украинскіхъ крестьянъ легенды о появленіи царя въ сенатѣ среди вельможъ распространены и въ такихъ варьянтахъ, что паны держатъ тамъ царя въ неволю и даже мучатъ его. (См. въ Громадѣ, V, 210—211, легенду, записанную г. Я. Стефановичемъ въ Чигринницѣ). Хотя легенды послѣдняго рода вѣрнѣе отражаютъ дѣйствительное положеніе безсильнаго на добро самодержавія, но все таки ихъ эпическій характеръ въ состояніи привести въ отчаяніе дру-

зей общественнаго развитія. И такія легенды все болѣе усиливаются и на когда то козацкой Украинѣ, благодаря между прочимъ близорукости ея интеллигенціи, не умѣющей поддерживать и развивать остатковъ свободныхъ и культурныхъ традицій въ украинскомъ народѣ.

IV. Козацкія традиціи на Украинѣ. Вотъ одно изъ указаній на такіе остатки, встрѣченное нами въ новѣйшей печати. Мы беремъ его изъ въ высшей степени интересныхъ «Записокъ южно-русскаго крестьянина», помѣщенныхъ въ переводѣ съ украинскаго въ «Устояхъ» (1882 г., № 1—2). Крестьянинъ, бывшій бурлакъ, рассказываетъ между прочимъ:

«Замѣтилъ я тамъ одного «дидуса», стараго, сѣдаго и лысого. Тотъ «дидусъ» былъ родомъ изъ Полтавской губерніи, изъ Веремѣвки. Познакомился онъ со мною (онъ былъ коноваль) и много кой-чего мнѣ рассказывалъ. Бывало, зимою я уберу конюшню, а онъ смотрѣлъ за жеребцами, да гдѣ-нибудь и сойдемся себѣ. Онъ мнѣ и рассказываетъ все, что знаетъ.

Рассказывалъ онъ мнѣ, что когда-то въ Полтавщинѣ жили козаки, назывались запорожцами. Я ему и говорю: то жъ были разбойники?

А онъ мнѣ и говоритъ: Не вѣрь, то не разбойники. Они были козаки, какъ вотъ теперь солдаты. Имѣли они себѣ своего «пана гетьмана», а онъ управлялъ войскомъ козацкимъ. Назывались они украинцами. Было у нихъ своей земли много, а сами они воевали. За то и называли ихъ разбойниками и ворами. А они были добрые люди, какъ и всѣ люди.

— А я и говорю: какъ же это? Такіе люди, а ихъ называли такими.

— Потому что они были «неувага», не давали спуска никому.

А я и говорю: какъ же это не давали спуска? Значитъ, они были разбойники?!

А онъ говоритъ: если кто-нибудь нападалъ на нихъ, то они были сердиты и зададутъ, бывало, жару. Это, — говоритъ, — была когда-то ихъ земля.

— А я думалъ, — говою я, — что они разбойники.

Тогда «дидусъ» и говоритъ мнѣ: тогда козаки были, какъ теперь паны. Они были военные: у нихъ была своя крѣпость возлѣ Херсона, называлась Сѣчь. И этотъ Херсонъ, онъ не Херсономъ назывался тогда, а иначе.»

Въ этомъ воспоминаніи «дидуса» нѣтъ, конечно, должной отчетливости (напр., козаки-гетманцы смѣшаны съ запорожцами), но сущность козацкины передана въ немъ вѣрно, — и если бы украинское простонародіе не было оставлено само на себя помосковившеюся и ополяченною интеллигенціею, подобныя воспоминанія, которыя были бы въ томъ случаѣ и отчетливѣе, стали бы прочною подкладкою для его политическаго и социальнаго воспитанія, что въ свою очередь было бы могучею подкладкою и для свободныхъ стремлений лучшей части интеллигенціи. Но случилось такъ, что украинская интеллигенція стала браться за умъ только недавно, да и то количество этихъ взявшихся за умъ, т. е. сознавшихъ необходимость возвратиться къ національности своего народа, крайне не-

чтожко и до сих пор, а потому и до сих пор все разговоры о культивировании среди украинского народа остатков его прежней нравственной и политической культуры не имеют большого практического значения. Украинское простонародье и до сих пор сохраняет эти остатки и приспосабливает их к новым условиям жизни само, без помощи выше его стоящих образованных людей. Сохранение это выражается, напр., в массе писем политического характера, которые играют на Украине воспитательное значение в таком же роде, как, напр., в Италии памятники пластического искусства, — а вышеупомянутое приспособление обнаруживается, напр., тем, что местами крестьяне привозывают ожидаемую ими парьку земли не к царю, а к Запорожью, которое скоро опять возстановится.

У. Страхи украинского сепаратизма. «А, так, Вы значит, за возстановление козачества, — Гетьманщины и Запорожья, — вещей, осужденных на смерть историей. — Вы за сепаратизм, — вещь противную нынешним объединительно-космополитическим читателям!» — воскликнет «догадливый читатель», каких много между россиянами, благополучными и злополучными, консервативными и радикальными, — «Вы мечтатель-романтик и реакционер!»

По части реакции, мы, если бы были действительно мечтателями — козакофилом, сказали бы, что наши реакционные мечты вовсе не противны прогрессу, ибо козацкие республики старой Украины были гораздо ближе к идеальному политическому строю, чем та российская империя, в которой благоденствует Украина в настоящее время. Эти республики имели свои недостатки и в прошлом, — но все таки они были республики, все-таки, напр., Запорожье представляло вполне демократическую общину, а при том вовсе не исключительно военную и даже разбойническую, вовсе не дикую, как угодно утверждают официальным историкам польским (Шуйский) и московским (Соловьев) и обратившемуся почему-то к их идеям г-ну Кулину; все таки в Гетьманщине сотня была, по крайней мере в принципе самоуправлявшаяся власть, полк таким же уездом, а вся Гетьманщина такою же областью, в которой постепенно вырабатывались и формы общенародного представительства. Об этой выработке мы поговорим подробнее в другой раз, а теперь считаем достаточным и сказанного для иллюстрации мысли о том, что украинец, который бы мечтал о возвращении своей страны к порядкам XVII—XVIII в. вовсе не был бы через то реакционером.

Но дело в том, что об этом также точно никто не мечтает, как и об украинском сепаратизме, о котором в последний месяц оият говорили разных неадекватностей московские газеты гг. Каткова и Аксакова и их петербургские и киевские прихвостни.

Впрочем, да успокоится читатель: мы поощаем его от полемики с этими господами. Какая тут, в самом деле, полемика, хоть бы с г. Аксаковым, который продолжает идти путем, напр., о полонифильстве Вашего покорного слуги, которого никак не

может забыть г. Аксаков?! Но сегодня мы остановимся не на обвинителях украинского движения, а на таких его защитниках в русской печати, как, напр., г. Н. С. автор статьи «Львовский Процесс» в октябрьской книжке «Вестника Европы». Мы остановим внимание читателя на следующей выдержке из этой статьи:

«Для политического сепаратизма Малороссия не была, быть и быть никогда не может безусловно никакой почвы, никакого основания. У малороссов с русскими одна историческая традиция (?), одна вера и, следовательно, во многом один склад попятий; в правах их много общего, а языки так близки один к другому, что, предоставленные своему естественному развитию, они неминуемо должны слиться воедино (?). Все это такие крепкие и прочные связи, которые не разрываются никакими политическими фантазиями. Народ их не примет, сколько бы их ему ни навязывали и какие бы фантазеры с ними ни поспели. Кроме того, между землями, населенными малороссами и русскими, нет ни малейшего подобия естественных границ. Оба племени живут, местами в перемежку, на плоской равнине, не перерываемой ни горными кряжами, ни речками (?). Наконец, общие экономические интересы так тесно связывают их между собой, что политическое разъединение равно гибельно отразилось бы на тех и других. Ясно, что всякая речь о сепаратизме просто смешна.

«Но нет той смешной нелюбви, которая не могла бы стать источником неисчислимых бедствий, если ее сдвигают орудиями политического гнета и национального гонения. До сих пор малороссы были так же глубоко преданы России, как и природные великороссы; но политика, построенная по образцу, придуманному «охранителями», может в них эту преданность убить и заменить, но меньшей мере, с пассивным равнодушием относиться к интересам государства, в котором для них, как для особого племени, не находится места, и где самый факт их существования в этом качестве объявляется иезуитско-польско-австрийской интригой. Позвольте малороссам оставаться малороссами и они скоро станут настоящими русскими не только по имени, но и по существу. Если же их насильственно будут обращать в русских, они все мало-по-малу начнут величать великороссов «москалями», а сами себя «украинцами», как это уже и делает небольшая пока группа среди них. Эти выражения: украинцы, украинифлы, недаром приводят в такое яростное негодование господ «охранителей». Они хорошо понимают тенденцию, тающую в этих названиях и стремящуюся раз навсегда отнять почву, уничтожить ту игру слов, или, вернее, даже букв, при помощи которой малороссы объявляют русскими, и на этом основании не признают за ними никакого права на племенную особность. Плохо, очень плохо будет, если вся Малороссия поймет истинное политическое значение этой игры слов и начнет называть себя Украиной, а свой народ украинцами. Плохо, очень плохо будет, если угнетенная Галиция сдв-

ляется чем то в родъ свѣточа или звѣздъ, къ которой стануть обращаться взоры наших наслаждающихся покоем и счастьем малороссовъ. А это может случиться, если «охранительныя» тенденціи восторжествуютъ, и отношеніе наше къ малороссамъ не измѣнится. Разумѣется, это не поведетъ прямо къ расчлененію Россіи, — воображаемое стремленіе; которое такъ пугаетъ этих господъ; но это можетъ внести въ нее расклевлющій и растлѣвающий ядъ племенной вражды, гражданской междоусобицы, которая, по отношенію къ внутренней жизни государства, немногимъ лучше расчлененія».

Мы уже имѣли случай говорить о г-нѣ Н. С., какъ объ авторѣ статей по польскому вопросу въ «Русской Мысли» («В. Сл.» № 21). Это публицистъ очень симпатичнаго, федеральнаго направленія въ славянскихъ вопросахъ, статьи котораго, по справедливости, были замѣчены публикой и въ Россіи, и въ Западной Славянщинѣ. Къ сожалѣнію, въ статьяхъ г. Н. С. не видно стремленія къ полной точности всѣхъ фактовъ, на которыхъ авторъ основываетъ свои заключенія, а рядомъ съ этимъ видна наклонность къ адвокатскому способу доказательства: во что бы то ни стало, съ помощью хотъ на чувство, если не на убѣжденіе. Въ выписанной тирадѣ эти черты писательской манеры г. Н. С. обнаружались, какъ въ первой половинѣ, въ которой авторъ старается побороть страхъ украинскаго сепаратизма смягченіемъ условий для центробѣжнаго движенія украинцевъ, такъ и во второй, въ которой авторъ, изъ похвальнаго желанія поразить катковщину, пугаетъ читателя возможностью, если не сепаратизма украинскаго, то племенной вражды и гражданской междоусобицы. Мы не станемъ теперь разбирать степень точности посыловъ первой половины тирады, — хотя и очень интересно бы разобрать вопросъ, наприм., о степени общности историческихъ традицій украинскихъ и великорусскихъ и даже о степени сходства (народной, а не официальной) религіи у обоихъ племенъ *). Мы остановимся на второй половинѣ защитительной для украинскаго автономизма тирады г. Н. С.

Она, между прочимъ, пугаетъ читателей темъ, что, если малороссы не будутъ позволять оставаться малороссами, то они начнутъ величать великороссовъ москалями, а сами себя украинцами. Да ведь эта бѣда — если это бѣда — уже давно существуетъ. Намъ очень не хочется пестрить наши замѣтки учеными цитатами, а потому мы скажемъ только, что всякій, взявши въ руки любой сборникъ актовъ, грамотъ, хрестоматіи съ самаго Богдана Хмельницкаго, любой этнографическій сборникъ, любое путешествіе великоросса на Украину въ XVII—XVIII в. (хоть бы, напр., письма съ дороги Екатерины II), любую повесть изъ украинской жизни (хоть бы, напр., Гоголя «Вечера» или «Вий»), — онъ убѣдится, что свои и чужие чаще всего называли и называютъ «малороссы» — украинцами, а великороссы —

*) По послѣднему вопросу очень любопытно прочесть, напр., въ авг. книгѣ «Кіевской Старинѣ» писанный великороссомъ разборъ «Памятной книжки кіевской епархіи» — со взглядомъ на больше помиланныхъ святыхъ и праздники на Украинѣ и въ Великороссіи.

«москалями» *). Имя Малороссiе было и есть книжное и употреблялось преимущественно относительно черниговской и полтавской губ., официальной Малороссiи въ Россiйской имперiи. Для жителей Слободской Украины, Правобережной и самой г. называемой Новороссiи это имя совсѣмъ дико, — тогда какъ имя украинцевъ имѣ совершенно родное. Чуждымъ образомъ звучитъ послѣднее развѣ Волынянамъ, а особенно Галичанамъ, изъ которыхъ послѣднiе всего чаще зовутъ себя русинами или русняками, какъ и забужскiе унiаты и отчасти западные подольне и бессарабы (не румыны, конечно). Но и въ пѣсняхъ этихъ западныхъ нашихъ соплеменниковъ находимъ имя Украина и украинцы для наименованiя своей земли и народа, — и даже закарпатскiе русины зовутъ часть своей земли около Мукачева Краппа, даже иногда Украина.**) Такимъ образомъ, изъ всѣхъ именъ, прилагаемыхъ къ такъ называемымъ малороссамъ, какъ развѣ, всего естественнѣе является имя украинцевъ. Мы не думаемъ, чтобы это имя само по себѣ представляло большiй источникъ сепаратизма извѣстнаго населенiя отъ Россiи, но во всякомъ случаѣ это имя въ Россiи не представляетъ такой новизны, какъ думаетъ г. Н. С. Нѣкоторую новизну оно представляетъ развѣ въ Австрiи, и тутъ употребленiе его имѣетъ тенденціозное значенiе и, если хотите, нѣкоторую опасность — не для Россiи, а именно для Австрiи, особенно для австрiйской Польши. Здѣсь имя украинцевъ напоминаетъ о родствѣ тамошнихъ русиновъ, — которыхъ польскiе Катковы считаютъ разнородностью Поляковъ, съ придишловскими украинцами, — козаками, все таки самыми энергическими представителями своей расы въ борьбѣ за ея самостоятельность отъ Польши; здѣсь имя украинofilъ напоминаетъ, напр., о Шевченкѣ, представителѣ идеи о возрожденiи народа, котораго австрiйскiе русины составляютъ только часть. Здѣсь, при проникновенiи туда руссiйскаго украинofilства въ началѣ 1860-хъ г., сильно не понравилось имя украинцевъ всѣмъ офиціозамъ: правительственнымъ, нѣмецкимъ и польскимъ и клерикальнымъ, — римскимъ и русино-унiатскимъ. Нужна была вся близорукость руссiйскаго правительства, которое стало гнать украинское движенiе у себя, и вся тупость московскихъ централистовъ, которые вызвали къ такому гоненiю и приняли реакцію противъ ук-

*) Мы цитируемъ для г. Н. С. только одинъ примѣръ изъ официальной бумаги XVIII ст. Въ 1710 году кiевскiй воевода кн. Дм. Голицынъ писалъ канцлеру Головкину: «Сказывалъ мнѣ бывшiй чигиринскiй сотникъ Невѣнчанский, что... на дороге встрѣтилъ гетманскаго посланца... Этого посланца спрашивалъ его: На Москвѣ что дѣлается? а у насъ на Украинѣ слышно, что государь хочетъ украинскихъ всѣхъ людей перенести за Москву и на Украинѣ поселить русскихъ людей. Москва лучше наши города хочетъ себѣ избрать»... (Солов. Ист. Росс. XVI, 39)

**) А вотъ примѣръ того, какъ необходимо прибѣгнуть къ употребленiю слова украинскiй, если хотишь точно опредѣлить характеръ языка закарпатскихъ русиновъ. Въ бумагахъ словацкаго патрiота начала XIX ст., Рыбал, есть замѣтки о рукописяхъ библиотеки въ Мукачевѣ, и между ними такая: *in eadem bibliotheca multo plures numerantur veteres codices in lingua potissimum Slavoliterali sed jam ad Russicam-Ukrainensem... hic illic flexa.*

(Русск. Филолог. Вѣсти. 1881. 1, 205)

рапинства русинскихъ старовѣровъ за напущенiе, — чтобы измѣнить отчасти такое положенiе украинизма въ Австрiи. Но и теперь очень ошибется тотъ, кто подумаетъ, что радикальное украинство, à la Шевченко, въ большомъ авантажѣ въ Галицiи даже въ той изъ тамошней партiи, которую называютъ украинofilами, у пародовцевъ, цвѣта львовскаго «Дѣла». Его держатся только непримиримые, болѣе или менѣе социалистическаго характера, — и только они употребляютъ безъ оглядки имя украинцевъ для наименованiя своего народа.

Благодаря глупости петербургскаго правительства и тупости московскихъ централистовъ Галицiя дѣйствительно теперь сдѣлалась убѣжищемъ даже и для руссiйскаго украинскаго движенiя. Тамъ, гдѣ существуютъ школы, гимназiи и университетскiя кафедры съ украинскимъ языкомъ, печатаютъ теперь свои работы и украинцы изъ Россiи. Но, — вовсе не думая ни поддѣлываться къ русскому правительству, ни замызгать ему глазъ (ни то, ни другое ни къ чему намъ не пушло), но единственно для уясненiя вопроса, о которомъ такъ часто говорятъ въ Россiи, мы скажемъ, что даже и отъ такого положенiя дѣла опасность отъ украинскаго движенiя существуетъ гораздо болѣе для австрiйско-польскаго государства, чѣмъ для Россiи. Галицiя слишкомъ мала, галицкая интеллигенцiя слишкомъ мало энергична и бѣдна, слишкомъ придавлена польскою интеллигенцией, чтобы Галицiя могла стать въ политическомъ отношенiи притягательнымъ пунктомъ для руссiйской Украины. Съ другой стороны, польская интеллигенцiя въ Галицiи слишкомъ недальновидна (едва ли еще не болѣе, чѣмъ московскiе централисты), чтобы рѣшиться на уступки, которыя бы удовлетворили русиновъ. Къ тому же эта интеллигенцiя тамъ представляетъ и сословіе, которому мужики-русины противны и въ социальномъ, а не только въ національномъ отношенiи. По всему этому въ Галицiи всегда (до радикальнаго измѣненiя всѣхъ ея социальныхъ отношенiй) будетъ антагонизмъ между русинами и поляками (мы не говоримъ о польскомъ народѣ, который живетъ въ отрубной полосѣ въ западной Галицiи), тогда какъ въ Россiи, съ наденiемъ бюрократическаго самодержавiя, которымъ теперь завладѣли московскiе централисты, весьма легко уладится весь украинскiй вопросъ. Великорусскiй народъ, какъ и чисто-польскiй, живетъ себѣ въ отрубномъ кускѣ и въ послѣднее время даже не колонизируетъ южныхъ провинцiй, а движется къ Востоку, уступая даже донскую область и Ставропольскую губ. украинцамъ. Овеликорущенная сверху часть образованныхъ классовъ на Украинѣ скорѣе только отвыкла отъ украинской національности, чѣмъ враждебна ей, какъ это до сихъ поръ приходится говорить (особенно основываясь на примѣрѣ Галицiи) о части ополяченной. Вотъ почему, при установленiи въ Россiи политической свободы, особенно на началахъ областной свободы, можно ожидать вполне мирнаго улаженiя украинскаго вопроса съ поставленiемъ украинскаго движенiя въ его естественныя рамки. Политическаго сепаратизма при этомъ тѣмъ болѣе нечего бояться въ Россiи, что украинцамъ онъ былъ бы не вы-

годенъ, — такъ какъ, кромѣ всего прочаго, они лишались бы запасныхъ для своей колонизацiи земель поемью Донцомъ, Нижней Волгой и Кавказомъ, которыя они непремѣнно за колонизуютъ въ не очень отдаленномъ времени. Въ то же время, какъ обиліе запасныхъ земель, такъ и относительная слабость помещичько-капиталистическаго элемента въ Россiи и явная наклонность интеллигенцiи страны къ демократическимъ идеямъ, даетъ основанiе ожидать, что и аграрныя отношенiя здѣсь уложатся выгоды для украинскаго плебса, чѣмъ въ Галицiи.

А все это сводится къ тому, что вмѣсто того, чтобы Галицiя оказывала политическое влiяніе на руссiйскую Украину, скорѣе послѣдняя окажетъ его на Галицiю. Если дѣла руссiйской Украины уладятся сколько нибудь нормально въ политически свободной Россiи и если въ то же время австрiйско-польско-венгерскіе политики не измѣнятъ своего отношенiя къ русинамъ по вопросамъ національнымъ и социальнымъ, то не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что руссiйскіе украинцы употребятъ свои усилiя къ помощи своимъ австрiйскимъ братьямъ и сосѣдямъ и не отступятъ даже передъ вовлеченiемъ Россiи въ войну для ихъ освобожденiя. *) Сегодня, можетъ быть, эти слова покажутся кому нибудь фанфаронствомъ, — но, *qui vivit, vegeta!* Только бы управиться съ руссiйскимъ самодержавiемъ! Это тотъ Кароленъ, который прежде всего надо разрушить украинцамъ, какъ и всѣмъ другимъ народамъ Россiи, начиная съ самихъ великоруссовъ.

М. Драгомановъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Ссылки студентовъ. Въ послѣднюю минуту мы узнали, что изъ Петербурга выслано уже 65 ч. студентовъ.

Литературныя вѣсти. Цензура не разрѣшила недавно печатанiя популярной биографіи Шевченка на украинскомъ языкѣ.

Во Львовѣ выходитъ съ этой осени Малорусско-нѣмецкiй словарь. Евг. Желиховскаго. Вышло уже два выпуска. Цѣна 30 кр. за листъ. Всѣхъ листовъ будетъ 70.

Австрiйская культура въ Боснiи и Герцеговинѣ По бюджету Боснiи-Герцеговины на 1883 годъ, назначено: на жандармерию — 1.114.475, на школы — 91.889 гульденовъ!

Кахановская реформа. Россiя не хочетъ уступить Австрiи въ дѣлѣ цивилизацiи: русскiя газеты сообщаютъ, что кахановская коммисiя предполагаетъ переименовать столь надобныхъ всѣмъ урядниковъ въ «жандармы унтеръ-офицерскаго званiя» и увеличить число жандармовъ съ 14.000 на 40.000. Такъ

*) Не совсѣмъ невозможно, впрочемъ, что, если поляки Царства Польскаго пристанутъ къ федеральному движенiю въ Россiи, то они окажутъ благопріятное влiяніе и на своихъ соплеменниковъ въ Австрiи. Но, въ случаѣ превращенiя Россiи въ свободное государство съ самоуправленiемъ областей и націй, возможно стремленiе и у поляковъ галицкихъ, не говоря уже о познанскихъ, къ соединенiю съ такимъ государствомъ, въ которомъ будетъ свободно жить большинство ихъ соплеменниковъ.